

Е. П. ТИХАНЧЕВА

БРЮСОВ
О РУССКИХ
ПОЭТАХ
XIX
ВЕКА

100

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЙ АСТАН“
ЕРЕВАН 1973

БРЮСОВ — ИЗДАТЕЛЬ ПУШКИНА

Двадцать пять лет, из пятидесяти прожитых, В. Я. Брюсов посвятил самоотверженному служению науке о Пушкине, которого справедливо считал «мировым гением» и «полубогом русской поэзии», «явлением чрезвычайным» и неповторимым по своей «ренессанской» разносторонности и великому таланту художника.

Широта и многогранность интересов Брюсова-пушкиниста и по жанру, и по теме, и по охвату разных сторон жизни и творчества величайшего национального поэта, которого он относил к «достойнейшим «сеятелям правды» на земле»¹, поразительны! Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с библиографическим указателем его работ о Пушкине, составленным Н. К. Пиксановым в книге «Мой Пушкин»². Перечень опубликованных историко-литературных статей, рецензий, отзывов и заметок Брюсова составляет список в 82 наименования. Это весьма внушительная цифра. Однако и она далеко не полностью отражает все, что внес Брюсов-издатель, ученый, исследователь—в развитие отечественной науки о Пушкине. Архивные материалы незавершенных научных работ Брюсова о Пушкине и материалы к изданию его сочинений, хранящиеся в четырех архивах³, свидетельствуют о грандиозных замыслах ученого, стремившегося объять в пушкиноведении все области.

В равной степени Брюсова интересовала судьба опубликованных и рукописных произведений Пушкина, его *Marginalia* и переписка; серьезно занимали общественно-полити-

¹ РО ГБЛ, ф. 386, карт. 43, ед. хр. 4, л. 17.

² В. Брюсов. Мой Пушкин. ГИЗ, М.-Л., 1929, стр. 310—317.

³ РО ГБЛ; Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (в дальнейшем — ОР ИМЛИ); Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ); Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

ческие взгляды поэта и личные страницы из его биографии¹. Значительны его занятия библиографического характера. Кроме опубликованных статей серьезный интерес представляют оставшиеся в архиве исследователя две работы: «Систематический указатель источников для биографии Пушкина (1820—1919)» за 100 лет объемом в 54 листа и записка «Как составлять библиографию А. С. Пушкина», подготовленная Брюсовым в январе 1920 года для библиографического отдела Государственного издательства (в ней изложены принципы составления библиографии, определены ее цели и задачи)².

Плодотворна также работа Брюсова-текстолога, редактора и издателя (научных и массовых изданий) сочинений Пушкина, которого он стремился представить полностью с затерявшимися в архивах рукописями, без цензурных урезываний и нарочитых подделываний, т. к. считал, что написанные им «страницы... часто незначительные с первого взгляда, заключают в себе откровения, способные двигать вперед наше знание мира, а следовательно, и нашу власть над миром»³. С этой целью Брюсов неустанно изучает частные и государственные архивы, разыскивая новые произведения «божественной поэзии» Пушкина с ее «чистыми красками и чистыми звуками»⁴. Он публикует новые находки, комментирует, уточняет, исправляет, а в отдельных случаях даже «дописывает» оставшиеся незавершенными произведения Пушкина. Так было с «Египетскими ночами»⁵ и пьесой «Урок игроку»⁶.

Все это позволило Брюсову прочно войти в историографию русского пушкиноведения!⁷

В данной статье мы намерены охарактеризовать плодотворную деятельность Брюсова-редактора и неутомимого популяризатора наследия Пушкина в первые годы Советской

¹ В. Брюсов справедливо считал себя «специалистом по биографии Пушкина». В кн.: В. Брюсов. Избранные сочинения в двух томах, т. 2, М., 1955, стр. 558.

² РО ГБЛ, ф. 386, карт. 44, ед. хр. 1, 2.

³ «Печать и революция», 1923, кн. 5, стр. 66.

⁴ «Книжные новости», 1937, № 6, стр. 53.

⁵ В. Брюсов. Египетские ночи. Поэма в 6-ти главах (Обработка и окончание поэмы А. С. Пушкина), М., 1916.

⁶ Альманах «Сегодня», II, М., 1927, стр. 111—125.

⁷ А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.-Л., 1966, стр. 101—103 и др.

власти (1919 г.), когда он весь свой богатый опыт профессионального пушкиниста, издателя и государственного деятеля в области народного просвещения¹ отдает подготовке широко задуманного им «с учетом всего, что уже сделано для изучения Пушкина»², полного собрания его сочинений, по которому «можно было бы как можно полнее понять *весь* облик Пушкина»³. Общий план полного собрания сочинений Пушкина, как свидетельствует автограф, сохранившийся в архиве Брюсова⁴, представлял «Собрание» в трех томах и шести книгах. В основу построения «Собрания» был положен принцип жанровой классификации. В *первый* том должны были войти: лирика (часть 1-я), эпос и драма (часть 2-я), во *второй* том — романы, повести, рассказы в прозе (часть 3-я), исторические сочинения, путевые очерки (часть 4-я), в *третий* том — статьи журнальные и другие (часть 5-я), письма, дневники и автобиографические заметки (часть 6-я). В каждой части произведения располагались в хронологической последовательности по периодам жизни поэта; внутри каждого периода — по годам и месяцам⁵. Вступительные статьи редактора должны были быть при 1, 2, 3 и 5 частях, приложения — при частях 1, 2, 4 и 6. Особо Брюсов выделял приложения к 6-й части, т. к. сюда должны были войти обзор рукописей Пушкина, к тому времени почти вовсе не изученных и крайне небрежно описанных, и библиография о нем. Во всех шести частях полного собрания сочинений А. Пушкина должны были быть обстоятельные критико-биографические статьи о его жизни и общественно-политических убеждениях⁶. Большое внимание Брюсов уделял комментированию текста, помещав-

¹ В 1918—1919 гг. Брюсов возглавляет Московское отделение книжной палаты, заведует Московским библиотечным отделом при Наркомпросе, работает в Госиздате, читает лекции во вновь организованной Социалистической академии общественных наук и т. д.

² В. Брюсов. По поводу одной критики. В журнале: «Печать и революция», 1922, кн.: 2(5), стр. 156.

³ В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 212.

⁴ ОР ИМЛИ, ф. 13, оп № 3, ед. хр. 46.

⁵ В I т., I части полн. собр. соч. А. С. Пушкина. ГИЗ, М., 1920 Брюсов выделил 12 периодов. Н. В. Измайлов назвал их «формальной рубрикацией». В кн.: «А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения», стр. 595.

⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в трех томах и шести частях под редакцией В. Брюсова, ГИЗ, М., 1920, т. I, ч. I, стр. 6. От редактора.

шегося сразу же за произведением, т. к. это издание было приспособлено не только для «начинающих исследователей, историков литературы, преподавателей словесности», но и «к потребностям широких масс читателей, вплоть до наименее подготовленных»¹.

Обширный замысел Брюсова-редактора полного собрания сочинений Пушкина был обусловлен многими причинами. О некоторых из них мы узнаем из его рецензии на две книги «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», вышедшие в 1917 и 1918 годах в повременном издании при Российской академии наук².

Оценивая достоинства и недостатки этих книг, Брюсов писал, что они «еще раз доказывают нам, как еще недостаточно мы знаем Пушкина, как много еще надо работать только для того одного, чтобы получить, наконец, *правильный текст* сочинений Пушкина, в течение столетия систематически искажавшийся нашей варварской цензурой, безграмотными переписчиками, неряшливыми или даже недобросовестными издателями и «исследователями», предпочитавшими строить широкие, но произвольные теории, нежели кропотливо собирать факты»³.

Над редактированием нового издания полного собрания сочинений Пушкина, в которое Брюсов, судя по 1-му тому, включил не только законченные и обработанные произведения художника, но и незаконченные и необработанные произведения, чья принадлежность пока не доказана, и произведения, написанные при его участии, а также черновые наброски и отрывки. Он работал напряженно и много⁴.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. собр. соч. в трех томах и шести частях под редакцией В. Брюсова, ГИЗ. М., 1920, т. I, ч. I, стр. 7. От редактора.

² Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXVIII. Изд. АН, 1917 и вып. XXIX—XXX. Повременное издание при Российской АН, 1918.

³ «Художественное слово», кн. I, М., 1920, стр. 59.

⁴ Первая попытка по редактированию собрания сочинений Пушкина Брюсовым была предпринята уже в 1910 году, когда он участвовал сначала в подготовке Малога академического издания Пушкина, а затем — в редактировании издания, готовившегося для «Библиотеки русских писателей» в изд-ве «Деятель». Оба эти издания не осуществились, но редакторские материалы, тщательно подготовленные Брюсовым, были потом положены в основу предпринятого им уже в советское время указанного полн. собр. соч. Пушкина.

За короткий, крайне ограниченный срок Брюсов подготовил к изданию две книги (1 и 2 части) первого тома¹, но в печати вышла только часть первая, т. е. «Лирика 1813—1836 гг.» Сюда вошли лирические стихотворения, элегии, послания, оды, песни, сатиры, эпиграммы, надписи, альбомные стихи, экспромты и т. п., оригинальные подражания и переводы. Полное заглавие этой книги такое: «А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. со сводом вариантов и объяснительными примечаниями. Редакция, вступительные статьи и комментарий Валерия Брюсова. Иллюстрации по рисункам, гравюрам, литографиям эпохи Пушкина». (Госиздат, М., 1919, на обложке указан 1920 год).

Редактору первого советского издания Пушкина хотелось, чтобы и ученые, и новый рабоче-крестьянский читатель молодой страны социализма познакомились не только с печатным текстом, очищенным от цензурных и редакторских искажений, но непременно с рукописями и черновиками великого поэта, т. к. этот важнейший материал, по справедливому мнению Брюсова, позволял «как бы присутствовать в лаборатории гения, который при нас совершает чудо превращения неясного контура в совершенную художественную картину, темного намека — в глубокую блистающую мысль»².

Как редактор Брюсов избрал метод, разработанный революционной академической наукой, но не удержался и от субъективизма, а именно, от желания подать Пушкина по им «самим обдуманному плану»³. Эта идея — «дать Пушкина совершенно по своему — настолько заманчива, что я готов итти и на риск большой ответственности и перед издателями и перед обществом (что для меня важнее и страшнее), и на тяготу большой работы»⁴, — писал Брюсов редактору «Библиотеки русских писателей» Е. А. Аничкову.

¹ Гранки книги (часть 2-я I тома) А. С. Пушкина. Полн. собр. соч. с редакторскими правками Брюсова хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. 444, ед. хр. 25.

² В. Брюсов, Избранные сочинения т. II, стр. 466.

³ Цитирую по кн.: «Брюсовские чтения 1963 года», Ереван, 1964, стр. 212.

⁴ Там же. Интересные мысли по этому же вопросу находим в письмах В. Брюсова, адресованных С. А. Венгеру — редактору шеститом-

Эта огромная работа для издателя-одиночки Брюсова, принявшего за разработку новых текстологических принципов, как свидетельствуют архивные материалы¹, оказалась, действительно, необыкновенно трудоемкой. Однако выполнял эту работу Брюсов с большой любовью и зыскательностью. В своем издании сочинений Пушкина, которое освобождено от недостатков дореволюционных изданий, Брюсов находил следующие «неоспоримые достоинства»: во-первых, «в него (был) включен ряд стихотворений Пушкина, не входивших ни в одно из предыдущих изданий»; во-вторых, «в нем исправлен длинный ряд несомненных ошибок всех предыдущих изданий, не исключая Академического и С. Венгерова (не говоря уже об изд. П. О. Морозова и П. А. Ефремова, ошибками кишачих)»; в-третьих, «в нем приведен также длинный ряд вариантов, впервые включенных в издание сочинений Пушкина»; в-четвертых, «в нем есть, наконец, стихи Пушкина, вообще впервые появившиеся в печати, и т. д.»².

Соглашаясь с мнением пушкинистов, отметивших в его издании Пушкина некоторые «недстатки, сшибки, досадные просмотры», Брюсов отклонил категорически их обвинения в «весьма сесбодном обращении с текстом Пушкина»³. Он настаивал на праве редактора «участвовать» в выработке пушкинского текста, а при расшифровке его черновики пользоваться методом «дивинации» и «конъектуры». Но тут же делал существенную оговорку, что «предел этих догадок—дело знаний, вкуса и такта редактора»⁴.

Неодобрительно отзывались о брюсовском методе редактирования первой части I тома полн. собр. соч. Пушкина так-

ного «Собрания сочинений» Пушкина, вышедшего в издательстве Брокгауза и Ефрона. Эти письма опубликованы в кн.: «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. I, Изд. АН СССР, М.-Л., 1938, стр. 302—351.

¹ В РО ГБЛ (ф. 386, картоны 40—44) сохранились многочисленные варианты предисловий и тщательно отделанных примечаний к тексту и биографии Пушкина.

² В. Брюсов. По поводу одной критики. В ж.: «Печать и революция», 1922, кн. 2(5), стр. 151.

³ М. Гсфман. Пушкин. Вступительная глава науки о Пушкине. Изд. «Атеней», Пг., 1922, стр. 50, 57.

⁴ «Печать и революция», 1923, кн. 2(5), стр. 67—68.

же и Б. Томашевский¹ и Н. Измайлов² и др. Однако и они вынуждены были признать, что «все-таки попытка Брюсова была долгое время *единственным* опытом нового издания, сделанного на основе пересмотра текста³».

Объективную оценку большой и трудоемкой работы Брюсова по редактированию первой книги нового издания Пушкина находим в интересной статье Э. С. Литвин «Брюсов о Пушкине»⁴.

В том же 1919 году Брюсов как руководитель литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению проводит, согласно правительственному декрету «О государственном издательстве», большую и очень нужную работу по подготовке для самых широких читателей из народа дешевых изданий отдельных произведений русских классиков: Жуковского, Тютчева, Рылеева, Кольцова, Пушкина. Это были книжечки небольшого формата объемом в 48—50 страниц с лучшими образцами поэтического творчества писателя. Они выходили в Госиздате в серии «Народная библиотека». Обязанности редактора этой серии с октября 1918 года исполнял В. Я. Брюсов⁵.

Приобщение широчайших народных масс к классическому наследию, и прежде всего, к наследию Пушкина — величайшего из наших поэтов — в первые годы Советской власти стало одним из важнейших государственных культурных мероприятий. Только в одном 1919 году в пору гражданской войны, разрухи и бумажного кризиса произведения Пушкина были выпущены тиражом 750 тысяч экземпляров⁶. Немалая заслуга в этом принадлежит В. Я. Брюсову. В 1919 г. в серии «Народная библиотека» Госиздата Москвы и Петрограда вышли все значительные произведения Пушкина: ли-

¹ Б. Томашевский. Рецензия на I часть I т. полн. собр. соч. А. Пушкина под редакцией В. Брюсова, в ж.: «Книга и революция», 1921, № 1, стр. 57—60 и в кн.: «Литературное наследство», т. 16/18, М. Л., 1934, стр. 1061—1064.

² Н. Измайлов. Текстология. В кн.: «А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения», стр. 577.

³ Б. Томашевский. Издание стихотворных текстов Пушкина. В кн.: «Литературное наследство», т. 16/18, стр. 1064.

⁴ Брюсовские чтения 1963 года, стр. 220—221.

⁵ Записки отдела рукописей Государственной б-ки им. В. И. Ленина, вып. 29, М., 1965, стр. 232.

⁶ А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 125.

рика, поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», «Братья-разбойники», «Полтава», «Медный всадник», роман в стихах «Евгений Онегин» со вступительной статьей М. Гофмана, реалистическая трагедия «Борис Годунов», драматические шедевры «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь», «Повести Белкина», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке». Многие произведения Пушкина иллюстрировались художниками М. Б. Кустодиевым, И. Симаковым и др¹. Такая активная популяризация творчества великого национального поэта вызвана была стремлением советских деятелей культуры быстрее приобщить массового рабоче-крестьянского читателя к наследию Пушкина. Послереволлюционная эпоха требовала, чтобы этому читателю была раскрыта огромная роль пушкинского творчества как в становлении новой социалистической культуры, так и в идейно эстетическом воспитании народа.

Вся деятельность Брюсова, справедливо называвшего себя «работником Великой революции»², с первых лет Советской власти была направлена на пропаганду творчества Пушкина и осмысление его общественно-политической биографии. Уже в кратком обзоре жизни Пушкина по периодам (для первой книги своего издания) Брюсов стремился показать его в тесной связи с русской действительностью, в окружении революционно мыслящей молодежи. Эта тенденция рассматривать Пушкина в историко-литературной перспективе еще сильнее выразилась в лекциях, прочитанных Брюсовым о великом поэте в 1918—1919 учебном году в Социалистической академии общественных наук³. Опровергая бытовавшее в то время ошибочное мнение, что будто бы Пушкин «для наших дней уже не может сказать ничего нового», что его приходится рассматривать «только исторически» и что мы «переросли» Пушкина, Брюсов утверждал, что Пушкин — «передовой человек своего века», что в его стихах

¹ В серии «Народная библиотека» произведения Пушкина продолжали выходить и в последующие годы, в 1920—1921.

² В. Брюсов. Из прошлого. Изд. Сабашниковых, М., 1927, стр. 90.

³ Две лекции Брюсова о Пушкине, прочитанные им в САОН, нами обнаружены в его архиве. Они опубликованы в книге «Брюсовские чтения 1962 года». Ереван, 1963, стр. 366—400.

подняты общественно-политические темы, и для советского времени он имеет «неизмеримое значение»: его творчество может сыграть огромную роль в решении «чисто практических вопросов, возникающих в государственном строительстве молодой Советской России»¹, оно имеет огромное эстетическое и воспитательное значение. «Внимательное изучение Пушкина,—заявлял в тех же лекциях Брюсов,— дает современному государственному деятелю и просто гражданину, желающему сознательно служить своей Родине, более глубокое, более проникновенное понимание своего народа и его потребностей». Поэтому «не пренебрежём Пушкиным даже в тех случаях, когда возникает частный вопрос о выборе тех (или) других форм государственного устройства»².

В этих лекциях о Пушкине Брюсов-ученый и педагог высказал много и других ценных суждений о «всеобъемлющем гении» Пушкина, который «охватывал все стороны духовной жизни его времени», о величайшем мастере поэтического слова, стремившемся «испробовать все виды всех областей литературы» и т. д..

Эти важные мысли Брюсова о Пушкине, сформулированные им в виде тезисов в двух установочных лекциях из курса «Пушкинский период и его значение в русской литературе», станут основополагающими в его плодотворной редакторской деятельности 1919 года. От них будет Брюсов отталкиваться и в разработке обширного плана своего издания полного собрания сочинений Пушкина, и в отборе материала для шести тематических книжечек с разножанровыми произведениями великого писателя, вышедшими под его редакцией в серии «Народная библиотека».

За один только 1919 год в этой серии вышли небольшие по объему и формату книжечки со стихотворениями Пушкина о свободе и ценным очерком «Политические взгляды Пушкина»³, лучшими «Стихотворениями 1815—1836 гг.», позволявшими Брюсову убедительно доказывать, что Пушкин был «одним из просвещеннейших людей своего времени», «высоко даровитым поэтом» и «человеком с широкими

¹ В. Брюсов. Мой Пушкин, 397, 377, 399.

² Там же, стр. 400.

Эту же мысль он повторил и в «Записке о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина». В кн.: В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 207.

³ А. С. Пушкин. Стихотворения о свободе. Под редакцией Валерия Брюсова. Госизд., «Народная библиотека», № 140, М., 1919, стр. 3—8.

взглядами на жизнь и вопросы общественности», что он «по праву» занимает место «рядом с самыми замечательными писателями всего мира»¹.

Двумя другими интересно составленными книжечками: «Стихотворения о разных странах», где представлены пушкинские «образцы мировой поэзии» и «Песни и стихотворения разных народов» Брюсов иллюстрировал огромную образованность Пушкина, великолепно знавшего «историю всех европейских литератур» и «поэзию всего мира»², обращал внимание народного читателя на интернациональный характер его творчества. В предисловии к книжечке, где были собраны «Песни и стихотворения разных народов» — древней Греции, древнего Рима, Востока (арабов, персов и т. д.), народов Европы (испанцев, португальцев, итальянцев, французов, англичан, немцев, литовцев, западных славян и др.), Брюсов — сам блестящий переводчик — утверждал, что Пушкин «обладал изумительной способностью *понимать* дух разных народов и времен», умел «перевоплощаться». Он писал стихи «от лица древнего грека (эллина), древнего римлянина, или от лица жителя старинной Шотландии, от лица араба, турка и т. п. так, как написали бы сами поэты этих народов, если бы они владели русским языком. Читая эти стихотворения Пушкина, мы, — заключал Брюсов, — словно читаем стихи на других языках и живо узнаем разные страны, жизнь разных народов, их характер, их быт, их нравы»³.

Обе книжечки со стихотворениями Пушкина о разных странах и разных народах находятся в тесной связи с неопубликованной работой Брюсова «Суждения Пушкина о всемирной литературе, собранные систематически под редакцией и с предисловием Валерия Брюсова» и его печатной статьей «Разносторонность Пушкина»⁴. На лучших художественных образцах, включенных Брюсовым в следующую книжечку «А. С. Пушкин. Баллады. Сказки и поэмы», он стремился показать, какую значительную роль может сыграть его творчество в успешном решении одного из кардиналь-

¹ А. С. Пушкин. Стихотворения 1815—1836 гг. Под ред. Валерия Брюсова. Госизд., «Народная библиотека», № 124, М., 1919, стр. 3—4.

² Брюсовские чтения 1962 года, стр. 376.

³ А. С. Пушкин. Песни и стихотворения разных народов. Под ред. Валерия Брюсова. Госизд., «Народная библиотека», № 123, М., 1919, стр. 3.

⁴ В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 202—206.

ных вопросов времени — создание монолитного Советского государства. Брюсов верно считал, что для успешного «государственного строительства» молодой Советской России, «разделенной на части», необходимо было «ясно представить себе характерные особенности и отдельных народностей, населяющих Россию, и отдельных классов, и всю историю нашей Родины». И Пушкин, умевший «верно передавать» характер, мировоззрение, нравы, обычаи и весь образ жизни разных народов, населявших многонациональную Россию, «может многое открыть нам»¹.

В отборе материала для всех редактируемых им книжечек с произведениями Пушкина², которые готовились им одновременно с двумя книгами первого тома его полного собрания сочинений, Брюсов, как нам кажется, исходил из следующей главной мысли, утверждаемой им в тех же самых лекциях, Пушкин — «гениальный поэт, охвативший все области»: «все из Пушкина», «все было в Пушкине», «он принадлежит не только истории», но имеет «неизмеримое значение для нашего (советского — Е. Т.) времени», он «сохранил непосредственное значение для нас», деятелей социалистической эпохи, т. к. в своем творчестве подымал *«извечные вопросы»* о цели и назначении жизни, о положении человека во вселенной, ...вопросы общественной жизни и государственного строения»³.

Эту же мысль Брюсов продолжал утверждать и в незавершенной статье «Пушкин и царизм», написанной в тот же период. «Пушкин, — писал он здесь, — неизмеримо огромная сила в области нашего культурного развития как для всей России, так и для каждого отдельного читателя», поэту «его стихи должно читать, его поэзию должно изучать»⁴.

¹ Брюсовские чтения 1962 года, стр. 400.

² Судя по объявлению, напечатанному на 40-й стр. отредактированной Брюсовым книжечки «А. С. Пушкин. Стихотворения о разных странах» и на 4 стр. кн.: «А. С. Пушкин. Стихотворения 1815—1836 гг.», в изданиях «Народной б-ки» им были подготовлены еще и другие сборники: «Русские народные песни, собранные и переделанные А. С. Пушкиным», «А. С. Пушкин. Разные отрывки в прозе (мысли, воспоминания, наблюдения, заметки и т. п.)», «Песни поэтов пушкинского времени» и «Евгений Онегин». Но ни одна из названных здесь книжек под редакцией Брюсова в печати не вышла.

³ Брюсовские чтения 1962 года, стр. 374, 398. Курсив автора.— Е. Т.

⁴ В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 302.

Заслуживает серьезного внимания также и другая справедливая мысль Брюсова, что «истинно великим созданиям искусства», как и его творцам, предназначена «долгая жизнь». Они «не могут умереть или устареть до тех пор, пока затронутые в них вопросы не будут полностью разрешены человеком... И чем шире, и чем глубже затрагивает художник-поэт эти вопросы, тем более долгая жизнь предназначена его произведениям»¹.

А так как «величайший из наших поэтов» Пушкин затронул «широко и глубоко все вопросы современности», то «его создания остаются живыми для нашего времени и подлежат изучению как объект науки»².

В тщательном подборе свободолюбивой лирики Пушкина, представляющей собою поэзию борьбы и политических страстей («Вольность», «Деревня», «Кинжал», «На восстание греков», пять стихотворений, посвященных «певцу возвышенной мечты», «ревностному деятелю революции и страстному поборнику свободы» французского народа Андре Шенье; «Наполеон I» и черновой набросок стихотворения о Великой французской революции); острых эпиграмм, которыми поэт беспощадно заклеил Екатерину II, Александра I и его любимца, «надменного временщика» Аракчеева, архимандрита Фотия и других царских сатрапов; дружеских посланий («К Чаадаеву», «К Давыдову», «К Жуковскому» и надписей к их портретам); в знаменитых «Послании в Сибирь» и «Друзьям», в публикации отрывков из 10-й, сожженной главы «Евгения Онегина», и незаконченных произведений, оставшихся в черновиках Пушкина, а также лирических стихотворений о поэте и поэзии, о русской природе и русской жизни и т. д., Брюсов-редактор пушкинских книжечек для «Народной библиотеки» показывал его «истинно народным поэтом», «спешившим включить в свою поэзию все стороны русской жизни» и «народного революционного движения»³.

Со страниц отредактированных Брюсовым сборников Пушкин вставал не только как «истинно народный» и «истинно национальный поэт», но и как поэт интернациональный, умевший понять и выразить стремления и чаяния и своего народа и народов разных стран; Пушкин — певец свободы, вольности и революционно-освободительного движения, про-

¹ Брюсовские чтения 1962 года, стр. 399.

² Там же.

³ Там же, стр. 384.

исходившего в то время в Европе; Пушкин — патриот, горячо любящий родную природу, свой народ и его устное творчество.

Но Брюсов понимал, что произведения Пушкина, в которых много мифологических образов, иностранных слов, научных терминов и понятий, исторических фактов и событий, будут доступны далеко не всем читателям из народа. Так же, как и в I томе подготовленного им издания сочинений Пушкина, Брюсов уделяет серьезнейшее внимание комментированию художественных текстов. Не снижая научного уровня, но в очень доступной форме, четко, конкретно, доходчиво объяснял он рабоче-крестьянскому читателю, ставшему хозяином страны и ее культурных ценностей, смысл и характер произведений Пушкина, причину их написания. Все пушкинские тексты были снабжены обстоятельными историческими и филологическими примечаниями и комментариями редактора.

В подборе и комментировании художественных произведений Пушкина Брюсов выступал не только как «бесценный руководитель нашего художественного образования» (Луначарский)¹, но и как ученый-коммунист, озабоченный тем, чтобы Пушкин — основоположник всей классической русской литературы, «открывший ей возможность сделать все то прекрасное и доброе, что совершено ею за последнее столетие»², стал достоянием новой социалистической культуры. Л. С. Гинзбург, автор небольшой статьи «Пушкин и Валерий Брюсов», также одобрительно отзывалась о популяризаторской деятельности Брюсова — редактора пушкинской серии «Народной библиотеки». Отмечая большой спрос на них широких читательских кругов трудящихся, в первую очередь рабочих, солдат и крестьян, Л. Гинзбург писала: «Эти небольшие книжечки заполняют избы-читальни, казармы, библиотеки советских школ, рабочие клубы»³.

Пушкинист же Н. О. Лернер, напротив, считал, что редактор Брюсов в указанных сборниках допустил существенные промахи. По его оценке, «выбор стихотворений, вошедших в эти книжечки, довольно небрежен: удручает оби-

¹ Н. Луначарская-Розенталь. Память сердца. «Искусство», М., 1962, стр. 61.

² РО ГБЛ, ф. 386, карт. 43, ед. хр. 4, л. 17.

³ «Молодая гвардия», 1924, № 10, стр. 164—165.

лие разнообразных ошибок... Не все благополучно в предисловиях и примечаниях: допущены некоторые неточности»¹.

Следует также отметить, что Брюсов, побуждаемый неизменным стремлением донести до народного читателя полнокровный образ национального поэта, в своих вступительных статьях и кратких очерках, предпосланных пушкинским книжечкам, иногда нарушал принципы, разработанные комиссией Наркомпроса под председательством П. И. Лебедева-Полянского по изданию классиков в «Народной библиотеке».

Согласно решению комиссии массовые народные издания должны были сопровождаться «сжатым предисловием и примечаниями..., имеющими дело исключительно с историческими и биографическими данными (без эстетики и политики)»². Брюсов же счел необходимым предпослать книжечке «Стихотворения о свободе» очерк в 6 страниц «Политические взгляды Пушкина», в котором изложил свою концепцию по этому вопросу. В первые пореволюционные годы этот вопрос принял острый дискуссионный характер, вызванный фальсификацией личности поэта.

Проследивая в очерке эволюцию политических взглядов Пушкина поэтапно и связывая их с общественно-историческими условиями, Брюсов пришел к выводу, что поэт постепенно убеждается в том, что «в России нет другого пути к истинной свободе народа, как через насильственное уничтожение самовластья царя», он «страстно желал вступить в одно из тайных освободительных обществ» и в своих стихах прославлял кинжал, как «последнего судию»³.

Опровергая несостоятельную версию о том, что будто бы Пушкин после поражения декабрьского восстания «оказался ревностным приверженцем царского правительства», Брюсов на реальных фактах биографии поэта доказал, что он — друг и союзник декабристов — «никогда не был «реакционером» и «никогда не продавал своего пера царю»⁴.

Подобную точку зрения на мировоззрение Пушкина и гражданственное звучание его творчества, Брюсов утверждал

¹ «Книга и революция», Пгр., 1921, № 8—9, стр. 77—78.

² А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 134.

³ А. С. Пушкин. Стихотворения о свободе. Под ред. В. Брюсова, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 7.

и в публичной лекции «Общественные воззрения в поэзии Пушкина», прочитанной им 29 января 1917 года в Баку в «Обществе любителей армянской словесности»¹. Свою точку зрения на политические взгляды Пушкина, противоречащей официально признанной концепции на жизнь и творчество поэта, Брюсов затем углубит и разовьет как в печатной статье «Пушкин и крепостное право»², так и в незаконченных, оставшихся в черновиках, статьях: «Пушкин и царизм»³, «Пушкин — революционный поэт» (второй вариант озаглавлен «Пушкин как поэт революции в Петербурге и на юге России»), «Вольнолюбивые надежды» и «Что мы знаем об общественных убеждениях Пушкина»⁴.

Со свойственной Брюсову полемической страстью, он и в этих статьях будет настойчиво опровергать версию, сложенную В. Жуковским и П. Анненковым о позднем Пушкине, как «угоднике царизма», «православном христианине и клерикале».

Опираясь на истоки, формировавшие мировоззрение юноши Пушкина и на подлинные, не искаженные цензурой его произведения, а также на новые ценные исследования о нем П. Е. Щеголева⁵, «тяготевшего,— по словам Б. Томашевского,— к истории русского революционного движения»⁶, Брюсов решительно опровергал клевету, распространяющую

¹ План этой лекции нами опубликован в кн.: «Брюсовские чтения 1962 года» между стр.—ми 288—289.

² «Печать и революция», 1922, кн. 2(5), стр. 3—12.

³ Отрывок статьи «Пушкин и царизм» опубликован в кн.: В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 301—303.

⁴ Большинство из этих незаконченных статей предназначались Брюсовым для критико-биографических очерков редактируемого им «Собрания» Пушкина. См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Под ред. В. Брюсова, ГИЗ, М., 1920, т. I, ч. I, стр. VI.

⁵ П. Е. Щеголев. А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XI, СПб, 1909, стр. 1—51; П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. Изд. «Шиповник», СПб, 1912; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. П., 1916. Методологическое значение работ Щеголева отмечал Брюсов в 1913 году в своем отзыве, удостоенном золотой медали, о его книге «Пушкин. Очерки». В кн.: В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 119, 127—128.

⁶ В кн.: 50 лет Пушкинского дома. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 61.

ся многочисленными сторонниками версии об измене поэта идеалам 20-х годов. Он доказывал, что «певец свободы» «никогда не изменял вольнолюбивым надеждам своей юности»¹, и в 30-е годы он защищал те же общественные позиции, что и в 20-е.

Верно расценивая политическую лирику Пушкина, как следствие его идейной близости с освободительным движением 1820-х годов, Брюсов неотступно утверждал свою мысль, которая у него сложилась, как он сам заявлял, в результате сорокалетнего наблюдения и изучения поэта², и конечно же, под влиянием собственной активной деятельности в революционной перестройке действительности, что Пушкин — «революционный поэт».

Отвечая критикам, резко упрекавшим его в «перекрашивании» Пушкина, которого он будто бы преднамеренно стремился «выставить революционером и почти коммунистом» с тем, «чтобы «обелить» его образ в глазах современного русского читателя», Брюсов заявлял, что обвинения их были «глубоко ошибочными», т. к. «представлять Пушкина «коммунистом», конечно, нелепо, но что Пушкин был революционер, что его общественно-политические взгляды были *революционные* как в юности, так и в зрелую пору жизни и в самые ее последние годы, это — мое решительное убеждение. Притом я настаиваю, что революционером Пушкин был не только бессознательно, в глубинах своего творческого миропонимания..., но и сознательно, в своих логически обдуманых суждениях. Это — твердый вывод... Это — то,

¹ Из заявления В. Брюсова в коллегию Народного комиссариата по просвещению. Цитирую по кн.: «Брюсовские чтения 1963 года», стр. 218. Небезынтересно отметить, что подобная точка зрения на цельность общественно-политического мировоззрения Пушкина была высказана уже в пушкинский юбилей 1899 года В. Е. Якушкиным («Общественные взгляды Пушкина») и академиком А. Н. Веселовским («Пушкин — национальный поэт»), а в преддверии революции 1905 года А. Слонимским («Политические взгляды Пушкина»), подтвердившим взгляды В. Якушкина. См. кн.: «А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения», стр. 88—89, 171. Таким образом, при оценке взглядов В. Брюсова на общественно-политическое мировоззрение Пушкина правомерно в какой-то степени говорить о некоторых чертах преемственности с радикальными утверждениями В. Е. Якушкина, А. Н. Веселовского и А. Слонимского.

² В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 302.

что я считаю истиной и что поэтому не могу не отстаивать, не повторять самым настойчивым образом»¹.

С этим «твердым выводом» и «решительным убеждением» Брюсова не соглашались почти все, кто занимался в это время изучением Пушкина, даже А. В. Луначарский². В стремлении «излишне революционизировать» Пушкина, «модернизировать» его мировоззрение, приблизить «к современности» и сделать великого национального поэта «своим» в новой Советской России упрекает Брюсова и исследователь наших дней Я. Л. Левкович³.

Концепция Брюсова о Пушкине-революционере, бесспорно, грешит крайностью. Но ведь она была обусловлена острым сознанием исследователя не только отказаться от худших традиций старого академического пушкиноведения, создавшего «хаотическое положение» с биографией Пушкина, но и непременным намерением разрушить, окончательно сокрушить эти традиции. Новая эпоха требовала, чтобы Пушкин был осмыслен по-новому, исторически и социально. И Брюсов, первый из советских пушкинистов, принялся за изучение общественно-политических воззрений поэта. Ему по праву принадлежит роль пионера, следопыта в изучении политической биографии Пушкина⁴. Наметив основные этапы его политической биографии, Брюсов сыграл значительную роль в становлении советского пушкиноведения, и этой его заслуги забывать нельзя.

Кроме того, изучение проблемы «Пушкин и революция» помогло Брюсову более четко определить свои политические позиции и общественные принципы. Он шел твердо и уверенно навстречу революции, которую тоже «познавал через посредство Пушкина»⁵.

Большое значение придавал Брюсов и произведениям Пушкина, имевшим фольклорную основу. На примере пушкинских баллад, сказок и песен исследователь утверждался в правдивости своей мысли о том, что истинный поэт всегда связан со своим народом, ему он отдает свой талант, свое

¹ В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 301—302. Курсив автора. — Е. Т.

² Там же, стр. 301.

³ А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 287—288.

⁴ Там же, стр. 103, 287.

⁵ Предисловие Н. К. Пиксанова к кн.: В. Брюсов «Мой Пушкин», стр. 5.

творчество. Поэзия художника — «это — роковая воля, это твой голос, народ,— заявлял Брюсов в одной из своих заметок 1918 года. — Пусть спорят с тобой другие, поэт почитает тебя. Поэт живет тем, что создал ты своим словом. Ты затаил в слове свою душу. Граня и чеканя слова, переливая в них свои мечты, поэт всегда связан с народом... Он жив, пока жив народ и им созданный живой язык»¹.

Известно, что Пушкин был близко знаком с русской поэзией, собирал и записывал народные песни и сказки, сам писал подражания, проявляя при этом удивительную способность проникаться духом народного творчества. В народных песнях и сказках Пушкина всюду — «русский дух и Русью пахнет». И это дарование великого художника было предметом большого внимания пушкиниста Брюсова. В редактируемые собрания сочинений Пушкина² Брюсов обязательно включал записанные им народные песни и сказки, т. к. они, по его верному мнению, представляли большой «художественный интерес» и имели большое значение для характеристики биографии поэта, спешившего «включить в свою поэзию... все стороны русской жизни..., ее народную поэзию»³.

В 1919 году специально для издания в серии «Народная библиотека» Брюсов подготовил ещё два интересных сборника: «Баллады. Сказки и поэмы» А. Пушкина и «Русская народная песня и А. С. Пушкин». В них ярко была выражена народность поэзии Пушкина и ее фольклорные истоки. По этим сборникам читатель из народа мог познакомиться с новой гранью универсального гения Пушкина.

На примере следующих пушкинских баллад: «Черная шаль», «Утопленник», «Русалка», «Гусар», «Воевода» и «Песнь о вещем Олеге» Брюсов показал мастерское умение поэта пользоваться народными сказаниями и народными песнями. Например, баллада «Черная шаль» — это народная молдавская песня, которую Пушкин лично слышал и записал в Ки-

¹ В. Брюсов. Избранные сочинения, т. 2, стр. 559.

² В программе по подготовке собр. соч. Пушкина в 8 томах (книжн. т-во «Деятель»), составленной Брюсовым, указано, что 2 и 3-й разделы IV тома специально должны быть отведены народным песням и сказкам, записанным поэтом или созданным им самим. РО ГБЛ, ф. 386, карт. 43, ед. хр.2.

³ «Брюсовские чтения 1962 года», стр. 384, 385.

шиневе¹. Сюжет для «Песни о вещем Олеге» был им заимствован из старинных летописей; в балладе «Утопленник» он пересказал «подлинное народное предание». Достоинством баллады «Утопленник» Брюсов считал новаторство Пушкина, «очень смело изображавшего народную жизнь без всяких прикрас» и допускавшего в стихах такие выражения, как «чтоб ты лопнул» и т. п.². Широко распространенное народное поверье про ведьм, летающих на кочерге на «Лысую гору» справлять «шабаш», Пушкин положил в основу баллады «Гусар». «Воевода», в которой верно изображены быт и нравы старой Польши, представляет перевод баллады А. Мицкевича «Дозор». В сказке «Жених», по утверждению Брюсова, Пушкин искусно пересказал одну распространенную русскую сказку, которую слышал от своей няни Арины Родионовны. Все му стихотворению-сказке, в которой фольклорные элементы стиля сочетались еще с литературно-романтическими, Пушкин придал, по словам Брюсова, «склад народной песни»³. На личных наблюдениях поэта основан был сюжет незаконченной им поэмы «Галуб» с темой о двух верах: христианской и языческой. Брюсов находил, что в этой поэме Пушкину удалось «вполне верно передать нравы, обычаи и весь образ жизни кавказских горцев того времени». Особую заслугу поэта он увидел в умении сосредоточить свое внимание на «мировоззрении горцев и на особенностях их душевного мира»⁴. Достоинство поэмы «Братья-разбойники», от которой уцелела только первая часть, Брюсов увидел в том, что в ней Пушкин «сумел показать, как светлые человеческие чувства сохраняются в душе самого закоснелого злодея и как на дороге преступлений толкают многих несправедливые условия жизни»⁵. В сборнике «Баллады...» Брюсов приводит не только печатный текст поэмы «Братья-разбойники», но и найденные им в черновиках Пушкина ее первоначальные наброски.

Что же касается второго сборника, также редактировавшегося Брюсовым для «Народной библиотеки», «Русская

¹ См. исследование Г. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Госизд. «Картя Молдовеняскэ», Кишинев, 1963.

² А. С. Пушкин. Баллады (рассказы в стихах). Сказки и поэмы. Под ред. Валерия Брюсова. Госизд., «Народная б-ка», № 122, стр. 13.

³ А. С. Пушкин. Баллады. Сказки и поэмы. М., 1919, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же, стр. 35.

народная песня и А. С. Пушкин», то он остался до сих пор неопубликованным и пушкинистам не известен¹. Обнаружить его удалось в Отделе рукописей Института мировой литературы Академии наук СССР им. А. М. Горького².

Сборник этот представляет научную ценность в плане все еще пока недостаточно разработанной в современном пушкиноведении проблемы «Пушкин и фольклор», проблемы, раскрывающей взаимосвязь Пушкина с народно-поэтической культурой своего народа. До сих пор у нас нет специального исследования, посвященного народной песне в творчестве Пушкина³. Обращение же В. Брюсова в этом неопубликованном сборнике к проблеме «Пушкин и русская народная песня» уже в 1919 году, когда еще сильно было влияние до-октябрьской фольклористики, отрицавшей прогрессивное значение пушкинского фольклоризма, весьма симптоматично. Принявшись одним из первых среди советских пушкинистов за изучение социально-исторических истоков пушкинского демократического фольклоризма, Брюсов своим сборником «Русская народная песня и А. С. Пушкин» доказывал, что Пушкин проявлял огромный интерес к поэзии крепостной деревни, к народным обрядовым песням и песням о Разине и казаках-разбойниках, т. е. к песням, наиболее ярким по своему социальному содержанию и заключенному в них протесту против крепостничества и самодержавия; что он глубоко проникался духом песенной поэзии, осваивал ее образную систему и стихосложение, «украсил народную песню блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу»⁴.

Глубокий интерес, проявленный Брюсовым в первые послереволюционные годы к этой, тогда еще неразработан-

¹ В. Брюсов четырежды оповещал читателей «Народной б-ки» о том, что он готовит пушкинский сборник с народными песнями (см. пушкинские сборники под редакцией Брюсова, вышедшие в указанной серии). Сначала этот сборник Брюсов думал озаглавить просто: «Русские народные песни», потом — с уточняющим значением: «Русские народные песни, записанные А. С. Пушкиным» или «Русские народные песни, собранные и переделанные А. С. Пушкиным».

² ОР ИМЛИ, ф. 13, оп. №1, ед. хр. 44 и оп. №3, ед. хр. 54.

³ А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 338 и «Литературное наследство». Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского, т. 79. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 178.

⁴ М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 99.

ной проблеме в пушкиноведении: «Пушкин и русская народная поэзия» (в дореволюционной науке о Пушкине можно назвать всего одну специальную работу по этой теме — статью Н. Трубицына)¹, был, безусловно, вызван стремлением показать, что Пушкин очень живо интересовался народной поэзией, служившей ему важным источником для изучения народности, и его творчество носило национальный характер.

Брюсову-теоретику фольклора² и Брюсову-поэту, автору цикла «Песен» (фабричная, солдатская, песня сборщиков, игровые песни, историческая — «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче») и сказаний («Сказание о разбойнике»), которые были созданы им на основе изучения народной поэзии и собственной записи «голосов сборщиков»³, была близка и эта область деятельности Пушкина. Во вступительной статье к сборнику Брюсов проявил верное понимание и большую осведомленность в жанре народной песни, истории ее возникновения и развития, а также в понимании непреходящей ценности ее как неисчерпаемого источника познания духовной жизни народа⁴. Песню, которая для закрепощен-

¹ А. С. Пушкин. Под редакцией С. Венгерова в 6-ти томах. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. IV, СПб, 1910, стр. 52—87.

² См. интересную статью Э. С. Литвин «Валерий Брюсов и русское народное творчество» в кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. VII, АН СССР, М.-Л., 1962, стр. 136—152.

³ Этот поэтический цикл «Песен», источником которых явился традиционный крестьянский фольклор и современный городской фольклор, Брюсов создал в 1898—1902 годах. Объединенные общим заглавием «Мой песенник», они были опубликованы сначала в «Северных цветах на 1902 год» («Скорпион», М., 1902), затем — в сб. «Urbí et orbí» («Городу и миру», М., 1903) под заглавием «Песни». Со стороны М. Горького удостоились похвалы след. брюсовские песни: «Сказание о разбойнике» и «На новый колокол» («Песня сборщиков»). В кн.: А. М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 48—49.

⁴ Интересные суждения В. Брюсова о народной песне находим в очерке, посвященном армянской поэзии, где он писал: «Народную песню у армян, как и у других народов, — приходится рассматривать как **итог всей исторической жизни народа, ... общее выражение народного духа**». В кн.: «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». М., 1916, стр. 37.

«Драгоценностями человечества» называет Брюсов народные былины, песни и сказки в своей рецензии на книгу К. Бальмонта «Жар-птица», — ж. «Весы», 1907, № 10, стр. 45.

ного народа, по верной оценке Брюсова, была «живой народной литературой», он с полным пониманием вопроса назвал «драгоценным наследием нашей старины», «художественной летописью народной жизни» и «общим выражением народного духа», т. к. в ней отразился весь быт народа, вся его мудрость. Оценивая содержание народных песен, записанных и мастерски сочиненных Пушкиным, Брюсов подчеркнул в них глубокий социальный смысл и публицистическую направленность, умение «воспринять самый дух народной поэзии».

Эта зрелость суждений в понимании и оценке народных песен определила творческий подход Брюсова-редактора к отбору материала из пушкинского собрания народных песен — этого великого памятника русской народной поэзии. Судя по примечанию, приведенному в конце сборника, Брюсову были известны не только 61 песня, отданные, как сейчас установлено, Пушкиным П. В. Киреевскому¹, но и еще 85 разгульных песен, записанных поэтом, и 11 ярких по своей социальной наполненности песен (восемь — о народной вольнице, две — исторические и одна — любовная), которые Пушкин перевел в 1836 году прозой на французский язык для французского литератора, любителя народной поэзии и дипломата Лёве Веймара².

¹ Литературное наследство», т. 79, стр. 183—218.

² Публикация одиннадцати народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык, принадлежит редактору журнала «Русский архив» (1885, № 3, стр. 451—460) П. Бартеневу. Он первый принялся за выявление подлинных русских народных песен к шести пушкинским переводам, нашел параллели в сб. Сахарова. Но при этом Бартенева высказал неверную мысль, что будто бы Пушкин не выбирал песни, а перевел «какие случайно попались ему под руку». В ж. «Русский архив», 1885, № 3, стр. 452.

Несостоятельность этого утверждения была доказана уже Н. Н. Трубицыным в его ценной брошюре «О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык» (СПб, 1900). Однако Трубицын отметил, что будто бы в своих переводах Пушкин «не преследовал никаких эстетических целей», почему переводы получились «сухими» и ничего не говорящими о таланте великого поэта», стр. 35.

Исследователь В. Архангельская («Источники русских народных песен, переведенных Пушкиным на франц. яз.») вопреки П. Бартенева утверждает, что в отборе песен для перевода явно сказалось стремление Пушкина показать русский народ, рвущийся к воле. В кн.: «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, стр. 340—343.

Брюсов горячо сетовал на то, что до 1919 года ученые все еще не задавались целью подготовить очень нужное издание, где были бы соединены все песни, собранные Пушкиным, положившим, выражаясь словами Н. М. Языкова, «в казну русской литературы сокровище неопенимое» и представившим «просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского»¹. Отсутствие подобной книги также послужило одной из побудительных причин, определивших стремление Брюсова подготовить для рабоче-крестьянского читателя очень нужный сборник «Русская народная поэзия и А. С. Пушкин», т. к. в нем ярко выражались интересы поэта явившегося инициатором и непосредственным участником первого научного собрания народных песен.

Что же представляет собою неопубликованный сборник «Русская народная песня и А. С. Пушкин», составленный Брюсовым-редактором и популяризатором наследия величайшего поэта?

По объему он не велик, всего 57 страниц с оглавлением. Листы сборника сохранились не все: многих недостает. Разрозненные материалы хранятся в двух папках, которые значатся в Отделе рукописей ИМЛИ под разными описями. В одной папке (оп. № 1, ед. хр. 44) содержится автограф (семь листов небольшого формата) ценной вступительной статьи Брюсова (полный текст ее приложен в конце работы) и тринадцать листов с печатным текстом народных песен, которые редактор извлек из двух книг, изданных П. А. Бессоновым, «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. V, 1863 и вып. X, 1874). Тринадцать других листов с печатным текстом чисто лирических и народных песен Пушкина собраны в другой папке (оп. № 3, ед. хр. 54). Она озаглавлена «Разные песни. Чисто лирические А. С. Пушкина». Сохранившиеся в архиве Брюсова материалы позволяют определить, хотя не со всей полнотой, содержание неопубликованного сборника, в котором, по его свидетельству, «были соединены песни, просто записанные Пушкиным, обработанные им, сочиненные им и выписанные им из песенников»². Но редактор Брюсов нарушил жанровую целостность. Кроме народных песен с их жанрово-тематическими группами—исторические, баллады, солдатские, лирические (главным образом, семейные и свадебные), он включил в сборник еще две сказки («О

¹ Цитирую по кн.: «Литературное наследство», т. 79, стр. 339.

² ОР ИМЛИ, ф. 13, оп. № 1, ед. хр. 44, л. 8.

медведихе»¹ и «Сказку о попе и его работнике Балде»), одну «образцовую частушку» («Вышла Дуня на дорогу»), и чисто лирически песни, «обработанные» или «всецело сочиненные» Пушкиным.

Сборник «Русская народная песня и А. С. Пушкин» открывался обстоятельной вступительной статьей, где Брюсов дал исторический очерк о жизни крепостного крестьянства, у которого «для выражения своих чувств и стремлений» оставалась только песня: «в песнях он высказывал свои радости, горести и надежды». Брюсов также указал и основные этапы в развитии народной песни, дал ее классификацию. Характеризуя фольклорно-этнографические занятия Пушкина, принявшегося первым из русских писателей за собиране и научное изучение народных песен, которые он записывал в Михайловском-Зуеве, в Болдино и во время поездки на Урал², Брюсов отметил, что у Пушкина «составилось большое собрание в несколько сот песен и сказок». Обратил внимание Брюсов и на методику этнографических занятий Пушкина, который «большинство песен прямо записывал, притом с большой точностью... Некоторые песни... обрабатывал, т. е. сокращал, исправлял в них отдельные стихи, изменял отдельные выражения». Брюсов находил, что в песнях, сочиненных самим Пушкиным, поэт «смог вполне проникнуться духом народного творчества», он «творил совершенно так же, как творили и сами народные сказители».

Подтверждение этого плодотворного суждения Брюсова находим у современного исследователя А. Д. Соймонова, подготовившего из архива П. В. Киреевского публикацию записанных Пушкиным народных песен. А. Соймонов указывает: «... Совершенно очевидно, что ряд народных лирических песен, переданных Пушкиным Киреевскому, несет на себе следы его обработки. Отличить такие песни от остальных необычайно трудно. В умении создать новый вариант народной песни и выражено в данном случае мастерство поэта; Пушкин *предстает* здесь *подлинно народным сказителем*»³.

В доказательство того, какого совершенства достигал

¹ Брюсов неверно обозначил в сборнике заглавие этой сказки: «Сказка о медведице».

² А. Д. Соймонов считает, что А. Пушкин «заложил основы фольклоризма новой русской литературы». В кн.: «Литературное наследство», т. 79, стр. 133.

³ «Литературное наследство», т. 79, стр. 178—179.

Пушкин в обработке народных песен и в создании собственных, Брюсов привел, часто цитируемое исследователями и сегодня, свидетельство П. Киреевского о том, что когда поэт передавал ему свои записи народных песен, он сказал: «Когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поёт народ и которые смастерил я сам». И далее указывает, что «Киреевский потом сознавался, что сколько ни старался, но разгадать этой загадки не мог».

Для большего подтверждения сказанного Брюсов ссылался еще на авторитетное утверждение и другого знатока русской народной поэзии — П. И. Шейна, также заявлявшего, что «и самому опытному взгляду трудно отделить в песнях, записанных Пушкиным, подлинно народные и личное творчество поэта».

Все это обусловило главный вывод Брюсова: «Собрание Пушкина можно считать собранием истинно-народных русских песен, независимо от того, внес в них поэт что-либо своего, или нет».

Художественный текст сборника «Русская народная песня и А. С. Пушкин» начинался следующими «чисто лирическими песнями», которые, по мнению Брюсова, выражали «общие чувства поэта-певца». Три из них: «Колокольчики звенят, Барабанчики гремят», «Как жениться задумал царский арап» и «Только на проталинах весенних Показались разные цветочки» сочинены самим Пушкиным; две песни — «Как за церковь, за немецкую, Добрый молодец богу молится» и «Во лесах во дремучих, Тут брала девка ягоды» — записаны им в народе.

Далее шли образцы «разных видов» народных песен: исторические, разбойничьи или «удалые», солдатские, монастырские, свадебные (обрядовые и насмешливые) и любовные, в которых представлены различные стороны общественной и семейной жизни народа, его быт, «общие взгляды на мир и на жизнь». Большинство из них Пушкин записал в 1824—1826 годах в селе Михайловском (они и до нашего времени все еще поются в окрестностях Михайловского), некоторые — в 1833 году в Болдино и на Урале, в Оренбургской губернии. Пушкинские записи народных песен свидетельствовали о высокой требовательности и вкусе поэта-собиравателя и его широкой осведомленности в русской народной поэзии. Историческими песнями начинался в сборнике цикл народных песен и любовными завершался. Исторические песни, в которых отразилась борьба народных масс с кре-

постничеством, были представлены «разинским циклом», имеющим реально историческую основу. Они тесно связаны с бунтарским казачьим фольклором, с песнями о вольных людях. Из этого цикла Брюсов отобрал пять песен, три — о Стеньке Разине («Как по Волге-реке, по широкой, Выплывала востроносая лодка», «Ходил Стенька Разин в Астрахань-город» и «Что не конский топ, не людская молвь») — были сочинены Пушкиным в 1826 году¹ и отличаются большим мастерством, в них «поэтический строй, художественные образы, словарный состав близки к фольклорной песенной традиции»². Это величайшее достоинство Пушкина — уметь «проникаться духом народного творчества» — дореволюционный фольклорист М. Е. Соколов считал, напротив, серьезным недостатком гениального поэта. Сличив собственные записи разинских песен, сделанные им у крестьян Саратовской губернии, с сочиненными Пушкиным песнями «Как по Волге-реке, по широкой» и «Что не конский топ», он пришел к выводу, что в обеих песнях Пушкин «является перед нами не поэтом-художником, а *подражателем* народным песням», т. е. «целые стихи, отдельные выражения и поэтические образы этих песен почти с *буквальнойю точностью* выхвачены из народных песен и только приложены к Стеньке Разину и обстоятельствам его жизни. С чувством глубокого неудовлетворения Соколов заявлял далее: «...От такого гениального поэта мы вправе были бы ожидать большего: художественного и целостного воспроизведения в поэтических образах эпохи Стеньки Разина, а не *перепева* народных мотивов им рифмованной прозы»³.

Две народные песни о сыне Стеньки Разина («В городе-то было во Астрахане» и «Как на утренней заре, вдоль по Ка-

¹ При жизни Пушкина песни его о Стеньке Разине не печатались: были запрещены цензурой по воле царя Николая I, который, как свидетельствует об этом письмо А. Бенкендорфа, адресованное А. Пушкину 22 августа 1827 года, считал, что его «Песни о Стеньке Разине» «при всем поэтическом своем достоинстве, **по содержанию своему неприличны к напечатанию**. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как Пугачева.» В кн.: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион». Редакция и примечания Валерия Брюсова». М., 1903, стр. 46.

² «Литературное наследство», т. 79, стр. 219.

³ М. Е. Соколов. Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии. Саратов, 1902, стр. 1—II. Курсив автора. — Е. Т.

ме по реке») были записаны Пушкиным-фольклористом в Михайловском¹. Этим песням «разинского цикла» Брюсов в сборнике предпослал специальную заповку:

Вы молодые ребята, послушайте,
Что мы старые старики будем сказыватьи.

А «сказывалось» в них о социальных сдвигах, происходивших в закабаленном народе.

О живом интересе Пушкина к главе народного движения Степану Тимофеевичу Разину, которого он называл «единственным поэтическим лицом русской истории»², свидетельствуют не только записанные им исторические песни, легенды и предания о Разине, но и тот факт, что две песни из сборника Новикова — о рождении Разина («У нас то было, братцы, на тихом Дону... во Черкасском городе Порсидился добрый молодец по имени Степан Разин Тимофеевич») и о его гибели («На заре-то было, братцы, на утренней, На восходе краснго солнышка... Не сокол летал по поднебесью, Ясаул гулял по насадику») Пушкин переводит на французский язык для Лёве Веймара³.

В статье «Пушкин и крепостное право» (1922) Брюсов еще раз подчеркивает неослабеваемый интерес Пушкина к С. Разину, который «встарину кровавил волжскую вольницу», а также отличное знание им разинского фольклора⁴.

За историческими песнями в брюсовском сборнике шли органически связанные с «разинским циклом» *разбойничьи* или «удалые» песни, исполненные настроениями социального протеста и борьбы против закрепощения. Это — поэзия

¹ М. Е. Соколов считал, что пушкинская запись первой песни о сыне Сеньки Разина ближе всего к камешкирскому варианту народной песни «Как по городу гулял все по Астрахани». М. Е. Соколов. Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии, стр. 3.

Что же касается пушкинской записи самой распространенной из разинских народных песен «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке», то она, по утверждению А. Соймонова, близка к северным и верхневолжским вариантам. В кн.: «Литературное наследство», т. 79, стр. 220.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16 томах. Изд. АН СССР, М., т. XIII, стр. 121.

³ Н. Н. Трубицын. О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык, стр. 29—31.

⁴ «Печать и революция», 1922, кн. 2(5), стр. 7.

вольных людей. В ней выражалась извечная мечта народа о вольности и свободе. На первом месте составитель поместил самую популярную в народе, знаменитую песню об отважном разбойнике, у которого верные товарищи — «темная ночь», «булатный нож», «добрый конь» и «тугой лук», «Не шуми, мати зеленая дубровушка». По меткой и образной оценке Н. Трубицына, в этой песне, «словно в могучем потоке слились воедино струи народной сущности, и в этом пестром.., но в то же время стройном аккорде слышится нам и эпическая невозмутимость перед грядущей судьбой, и лирическая грусть по случившемуся, и *широкая русская натура*, и остроумие, никогда не теряющееся в минуту нужды: отважный разбойник накануне казни своей спокойно вышучивает и прошлое, и как бы грядущее»¹.

И эту песню о молодецкой удали Пушкин перевел на французский язык. Только разбойника, как установил Н. Трубицын, он назвал не «крестьянским сыном», а «jeune homme», как называли бандитов-разбойников в иностранной поэзии².

Следующая «удалая» песня «Туго жил-поживал господин Волконский князь» с ярко выраженным социальным элементом: речь идет здесь о том, как наказан был князем Волконским Ванька-ключник за свою любовь к молодой княгине. Закричал князь своим «слугам верным»:

— Вы подите-ка, вы выройте две ямы глубоких,
Вы поставьте-ка два столбика дубовых,
Положите переключец сосновый,
Повесьте две петли шелковые:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!

Эта песня-баллада конца XVII — начала XVIII века была широко популярна в народных массах, несмотря на то, что исполнение ее преследовалось. Сюжет этой песни известен и в записи народного поэта А. В. Кольцова³.

Распространенной в народе, особенно на Севере Европейской России, считается и включенная Брюсовым в сборник разбойничья песня, известная во многих вариантах, «О девяти братьях разбойниках», которые «Не знаяши, зарезали

¹ Н. Трубицын. О русских народных песнях..., стр. 5.

² Там же.

³ «Литературное наследство», т. 79, стр. 290—292.

зятя люб<езнова>, В воду бросили пл<емянника>, Род <ну> сестру взяли <во полон>.¹

К циклу разбойничьих песен отнесена Брюсовым и записанная Пушкиным в Болдине редкая и запрещенная песня «Бежит речка по песку, Во матушку во Москву, В разорёну улицу» об именитом злодее-разбойнике Аракчееве, оказавшем «губительное влияние на всю русскую жизнь». Он «всю Россию разорил, Бедных людей прослезил, Солдат голодом поморил...» Сейчас признано, что пушкинский текст песни об Аракчееве по времени записи является одним из первых и свидетельствует о том, что поэта-этнографа интересовали не только «преданья старины глубокой», но и живая история александровской эпохи начала XIX века.

После «разбойничьих» песен Брюсов поместил тридцать «свадебных» народных песен, собранных и записанных Пушкиным. Они составили ровно половину всего сборника. Эта непропорциональность, надо полагать, была обусловлена повышенным интересом Пушкина к свадебным песням, в которых ощутимо выражено «несчастье жизни семейственной»². Пушкину «удалось записать особенно много» свадебных песен. По свидетельству В. Ф. Миллера³ и М. Н. Сперанского⁴, из 50 народных песен, переданных Пушкиным П. Киреевскому⁵, 34 песни были свадебные, преимущественно обрядовые⁶. В суровых реалистических картинах о неравном браке и

¹ Пушкинский вариант песни «О девяти братьях разбойниках» считается одним из ранних вариантов. Литературное наследство, т. 79, стр. 220. Песня эта бытует до сих пор. В 1953 г. В. Шмидту удалось записать в деревне Городище Печерского района Псковской области текст песни «Разбойники и сестра», близкой к пушкинскому варианту. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Том I. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 238—243.

² А. С. Пушкин. Полн. соб. соч., т. XI, стр. 255.

³ В. Ф. Миллер. Пушкин как поэт-этнограф. С приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным. М., 1899.

⁴ М. Н. Сперанский. К истории песен, собранных Пушкиным. М., 1913, стр. 1—2.

⁵ В конце 30-х годов П. Киреевский готовил сборник свадебных песен, куда входили почти все свадебные песни в записи Пушкина.

⁶ А. Д. Соймонов приводит из архива П. Киреевского все 34 свадебные песни, записанные Пушкиным, некоторые из них несут на себе следы обработки поэта. В кн.: «Литературное наследство», т. 79, стр. 202—218.

браке поневоле, о горькой судьбе невесты-сироты отразился семейно-бытовой уклад крепостного крестьянства. Свадебная песня, как и семейно-бытовая лирика, в которой отразилась общественно-историческая действительность, полна грусти, она «...заунывна и нередко дышит... сокрушительным чувством отчаяния и ожесточения»¹. Элегический тон для свадебных (лирических) песен считал отличительным качеством и Пушкин. По его оценке, русские свадебные песни «унылы, как вой похоронный»².

Из пушкинских записей свадебных песен Брюсов отобрал, судя по оглавлению сборника «Русская народная песня и А. С. Пушкин», девять песен чисто свадебных: «Береза белая, Береза кудрявая» (она поется, когда девушек созывают к невесте), «Как при вечере, вечере, При последнем часу-времячке» (поется, если жених приехал «издалече»), «Собрала невеста подружек, Посадила подружек высоко», «Как в дому-то березынька белёхонька стоит», «Между гор по каменью Серебром ручей бежит», «О горе, горе! То невестино», «Во сырём бору на клену Висит колыбель на шелку, В колыбели лежит Иванушко» и второй вариант (поется на девичнике жениху) «Висит колыбель на шелку, В колыбельке лежит князь молодой» и «Мимо дворики батюшкина, Мимо терема матушкина».

Семнадцать свадебных песен, включенных в сборник, были связаны с разными обрядами. Это — «Трубчистая коса», «Как у нашего князя невеселые кони стоят», «Затопися баненька, Раскалися каменка» и «Как-то мне будет в чужие люди итти?», «У попа, у батюшки», «Ягода с ягодой сокати-лася», «Княгиня душенька» (два варианта), «Князёк молодой, Лебедёк наш беленький», «Вот вам, красные девицы», «Все песни перепели», «Сватушка, сватушка», «Сватушка — гость, богатый, тороватый», «Ты, невеста, перед кем стоишь», «Много, много у сыра дуба», «Как у нашей у яблоночки», «Ты река ли, моя реченька». Среди песен свадебного обряда особого внимания заслуживают плач и песни невесты-сироты. «Много, много у сыра дуба Много ветвей и поветвей, Только нету у сыра дуба Золотыя вершиночки». В виде причитания невесте-сироте поется песня «Ты река ли, моя реченька, Ты река ли моя быстрая». Сирота плачется потому, что некому ее «благословить» к венцу.

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 441—442.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 255.

В специальную рубрику из «свадебных» песен Брюсов выделил четыре, так называемые, «насмешливые» или «корильные» народные песни, в которых шутливо корят свата и жениха: «Все песни перепели», «Не стыдно ли вам, бояры», «Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!»; шуточная песня «Теща про зятюшку сдобничала, сдобничала и пирог пекла», она известна в народе и как «свадебная», и как «хороводная», «плясовая»¹.

Следующий жанрово-тематический цикл народных песен, записанных Пушкиным и выписанных им из разных песенников², был представлен солдатскими песнями, в которых рассказывалось о палочной дисциплине, муштре и других тяготах солдатской службы. О рекрутских наборах, например, повествуется в широкораспространенной в народе в 30-е годы XIX века песне «Один-то был у отца, у матери, единый сын», которого «по указу государеву» берут «в службу царскую». Исследователи предполагают, что она была записана Пушкиным на Урале во время его поездки в 1833 году³.

Особый интерес представляет отрывочная запись другой солдатской песни «Из Гурьева городка Протекла кровью река»⁴, которую Пушкин сделал тоже во время своей поездки на Урал, когда работал над «Историей Пугачева»⁵. Она относится к «пугачевскому циклу», в ней рассказывается об уральских казаках-бунтовщиках, погубивших капитана Сурина «со командою». Песня «Из Гурьева городка...» имеет историческую основу, о которой Пушкин рассказал в своем

¹ Один из вариантов этой шуточной песни был записан в Болдино в 1968 году составителями книги «Предания и песни Болдинской старины» Ю. Левиной и И. Сидоровой. Волго-Вятское книжное издательство. Горький, 1972, стр. 77—78.

² А. Желанский в своей работе «Сказки Пушкина в народном стиле», М., 1936, указывает, что в библиотеке Пушкина имелись руководящие сборники фольклора его эпохи, в частности: «Песенники» — М. Д. Чулков; «Собрание разных песен», ч. I, СПб, 1770; «Всеобщий российский песенник», 1810, СПб (перепечатка «Песенника» 1791 г.); «Весельчак на досуге», М., 1797—1798 и др.

³ «Литературное наследство», т. 79, стр. 222.

⁴ Полная запись <песни пугачевского цикла> была сделана В. Далем. В кн.: «Литературное наследство», т. 79, стр. 449.

⁵ Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб, 1899, стр. 416—417.

научном труде «История Пугачева». Записью этой песни подтверждался интерес поэта-этнографа к изучению и собиранию бунтарского фольклора, в котором нашли яркое выражение освободительные идеи. По мнению современных исследователей¹ Пушкин «первый обратил внимание как ученый и историк» на фольклор, созданный по следам разинских и пугачевских событий.

Три следующих песни: «Сторона ль моя, сторонушка», «Голова моя, головушка, голова послуживая» и «Мы в фортеции живем», в которых поется о том, как горька была доля солдатская, Пушкиным были взяты из песенников, как наиболее характерные. Самой трагической по содержанию является песня «Голова моя, головушка», в ней говорится о трудной и долголетней службе в солдатах. «Ровно тридцать лет и три года» провел воин в царской армии, но за это время он не выслужил себе «ни корысти, ни радости, ни слова доброго, ни рангу высокого», а «выслужила» его «головушка» только

Два высокие столбика,
Перекладину кленовую,
Еще петельку шелковую.

Все пять солдатских песен, которые Брюсов отобрал для своего сборника «Русская народная песня и А. С. Пушкин», являлись ценнейшим документом феодально-крепостнического режима с его насилием и угнетением человеческой личности и ее прав. В солдатских песнях, лично записанных Пушкиным и отобранных им для П. Киреевского из песенников, отразились общественно-политические устремления его и как поэта, и как этнографа.

Что же касается «монастырских» народных песен, которые редактор Брюсов намерен был включить в свой сборник, их текста в его архиве найти не удалось.

Цикл русских народных песен в сборнике заключался тремя любовными песнями. Две песни — «Друг мой милый, красно солнышко мое» и «Не беленька березанька к земле клонится» были записаны Пушкиным², третья — «Ах ты,

¹ А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 339.

² Песню «Не беленька березанька к земле клонится» Пушкин записал высоко профессионально, он сохранил диалектные особенности произношения отдельных слов, как: «погорушка» (погодушка), «хурта» (вьюга), «березанька» и др.

девка, девка красная» была взята им из песенников. Во всех этих песнях поется о том, как грустит и тоскует по своему «соколу ясному» и «сизокрылому орлу» его возлюбленная, а «девке красной» дается мудрый совет, чтобы не ходила «молода замуж», пока не накопит «ума-разума приданова». Эти песни препровождались двухстрочной «припевкой»: «Буде лучше меня найдешь — позабудешь, Если хуже меня найдешь — вспомнешь».

После любовных песен шла девичья лирическая песня-частушка «Вышла Дуня на дорогу» в обработке Пушкина. В устной традиции современникам Пушкина этот жанр не был известен, но гениальный поэт, по словам Брюсова, «чуть-ем угадав будущее значение» жанра частушки, которая «широкое распространение получила только в последние годы на фабриках», создал образцовую частушку¹, в которой поется о том, как плачет и горюет девушка, провожая своего любимого «на чужбину», «в дальнюю сторонушку». «Вышла Дуня на дорогу» считается лучшей из написанных Пушкиным песен в народном стиле. Ее Брюсов включил и в сборник «Песни поэтов пушкинского времени», который он готовил в 1920 году тоже для серии «Народная библиотека».

Интерес Брюсова к пушкинской частушке, надо полагать, был вызван не только его стремлением как редактора представить народному читателю величайшего из всех русских поэтов всеми гранями таланта, но в какой-то мере и его собственной поэтической практикой. В песнях «Фабричная», «Девичья», «Веселая» и др., которые он создал в конце 90-х — начала 900-х годов, Брюсов, по собственному признанию, «пытался перенять формы современных народных песен, так называемых частушек», городских и крестьянских².

«Заключился» неопубликованный сборник «Русская народная песня...», как об этом говорит в своей вступительной статье В. Брюсов, двумя сказками Пушкина — незаконченной «Сказкой о медведихе» (отрывок)³ и социально-сатири-

¹ ОР ИМЛИ, ф. 13, оп. № 1, ед. хр. 44.

² Цитирую по кн.: В. Брюсов. Стихотворения и поэмы, Л., «Советский писатель», 1961, стр. 751.

³ В материалах сборника «Русская народная песня и А. С. Пушкин» не удалось обнаружить текста этих сказок. Трудно, поэтому, определить, какой именно отрывок из «Сказки о медведихе», состоявшей из двух почти самостоятельных частей: идиллической с трагической концовкой (му-

ческой «Сказкой о попе и работнике его Балде». Обе сказки написаны были Пушкиным в болдинскую осень 1830 года и считаются (по времени их создания) первыми его сказками. Созданы они исключительно на фольклорных национально-русских источниках (собственная запись и материалы из сборника Чулкова)¹ и свидетельствуют о национальном своеобразии поэта, стремившегося «постигнуть образ мыслей и чувствований народа, особенности его характера, изучить богатство народного языка»². Обе пушкинские сказки и по «духу» и по стилю вполне соответствовали русской сказочной традиции. Сказки «О медведихе» и «О Балде» объединены общей проблемой положительного героя из крестьян и по своей идейной направленности и демократизации языка тесно примыкают к народным песням, записанным и обработанным Пушкиным.

В обеих сказках главным героем является русский мужик. У него лукавый ум, он хитер, ловок, находчив, решителен, физически крепок. Превосходство здорового мужицкого разума Балды над ограниченностью беса раскрывается в пушкинской сказке в живом, полном лукавого юмора, диалоге между Балдой и бесом.

М. Горький большим достоинством Пушкина считал то, что в «Сказке о попе и работнике его Балде» он «не скрыл», «не затушевал» «насмешливое, отрицательное отношение народа к попам», а напротив, «оттенил еще более резко»³. Такие сказки были близки народному читателю, а их создатель становился роднее, дороже.

жик убивает «боярыню-медведиху» и троих медвежат) и сатирической (под видом зверей, сбежавшихся на похороны медведихи, Пушкин дал характеристику социальных слоев), отобрал Брюсов для сборника. Исходя из общего направления сборника, можно предположить, что он взял вторую часть сказки, приближающуюся к жанру социальной сатиры.

¹ Пушкин использовал в обеих сказках народно-песенный зачин, заплачки, причитания, живую разговорную речь. Р. М. Волков установил, например, что начало «Сказки о медведихе» все «соткано» из традиционных народно-песенных зачинов; а «заплачка» медведя-вдовца по медведихе — восходит к традиции заплачек и причитаний. В кн.: Р. М. Волков. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (Баллады и сказки). Черновицы, 1960. Ученые записки Черновицкого Госуниверситета, т. XLIV, вып. 13, стр. 51, 54—55.

² А. С. Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 437.

³ М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 99.

Сказки «О медведихе» и «О Балде» отличались высоким художественным мастерством. В них Пушкин предстаёт «истинным виртуозом народно-поэтического языка»¹. Их стиль «корнями своими уходил в глубь национального русского народного творчества»². В. Брюсов, например, находил, что в сказке «О Балде» с ее сатирико-новеллистическим характером и балагурным стилем, Пушкин «перенял манеру раешников, с их полу-прозаической, полу-стихотворной речью, с длинными рифмами»³. А в другом месте он указал, что эта сказка написана «совершенно произвольным стихом... Подобно присказкам раешников, она основана исключительно на конечных созвучиях. Отдельные стихи могут быть при этом произвольного метра и произвольной длины»⁴.

В сказке «О медведихе», написанной народным тоническим стихом, с особой силой проявилась любовь Пушкина к народным созвучиям. А. Желанский, например, считал, что размер этой сказки представляет смесь дактилических окончаний с хорейскими, и поэт вплотную подошел «к таящимся в фольклоре счастливым возможностям»⁵.

Таким образом, собранные Брюсовым в один сборник пушкинские сказки и народные песни, записанные и сочиненные им, позволяли новому читателю, рабочему и крестьянину судить о Пушкине, как об истинно национальном и истинно народном сказителе, умевшем глубоко проникать в «дух» и народного эпоса, и народной лирики.

Эта органическая связь Пушкина с народной поэзией, главным образом бунтарским фольклором, помогали Брюсову утвердиться в своей мысли, что Пушкин — поэт свободлюбивых взглядов, он всю жизнь оставался верен идеалам свободы и «вольнлюбивым надеждам». Такой художник очень нужен читателю молодой Советской страны.

Своей плодотворной деятельностью по пропаганде наследия Пушкина в первые годы Советской власти Брюсов и как редактор, и как лектор-педагог показывал, что Пушкин — неизмеримо огромная сила в области культурного развития.

¹ А. Пыпин. История русской литературы. 1902, т. III, стр. 151.

² Ю. Соколов. Пушкин и народное творчество. В ж.: «Литературный критик», 1937, № 1, стр. 149—150.

³ ОР ИМЛИ, ф., 13, оп. № 1, ед. хр. 44, л. 7.

⁴ В. Брюсов. Мой Пушкин, стр. 155.

⁵ А. Желанский. Сказки Пушкина в народном стиле. Балда. Медведиха. О рыбаке и рыбке. Опыт исследования по рукописям поэта. ГИХЛ, М., 1936, стр. 84, 137.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И А. С. ПУШКИН

Народная песня — драгоценное наследие нашей старины. Долгое время русский народ жил в крайне тяжелых условиях. Сначала иноземные князья (варяги) и их приближенные (дружина), потом бояре, дворяне, помещики — захватили себе все блага жизни. Народ, т. е. крестьянство (так как эти понятия совпадали за отсутствием рабочего класса), был лишен всяких прав; в силу «крепостной зависимости», он был обращен в рабство и обложен всевозможными обязательствами («барщина» — т. е. подневольная работа на барина, «оброк» и др.). Для крестьянства был даже закрыт доступ к образованию, и у него не было способов широко заявить о своих нуждах и пожеланиях. Единственным путем для выражения своих чувств и стремлений оставалась песня, как об этом сказал один позднейший поэт (А. А. Фет):

Но чего нам нельзя запретить,
 Что с запретом всего несовместней.
 Это — песня!

Песня для народа была всей литературой, в том числе — публицистикой; в песнях он высказывал свои радости, горести и надежды. Таким образом, песня стала художественной летописью народной жизни.

Некоторые русские народные песни сложены в глубокой старине, еще до введения на Руси христианства, т. е. тысячу лет тому назад. Другие — новее, складывались в XVI, XVII, XVIII веке; некоторые — и в новое время. Но все дошедшие до нас песни были живыми: они жили в памяти народа, в устах певцов (сказителей) и постоянно подновлялись, приспособляясь к меняющимся условиям. В тех областях, где песни сохранялись в полном объеме, они сопровождали каждый шаг человека. Были особые песни колыбельные, особые — свадебные, особые — застольные, пиршественные (подблюдные), особые — похоронные, также — праздничные, хороводные, плясовые и т. под., даже особые — разособые — разбейничьи. Весь быт народа отразился в песнях, как и его общие взгляды на мир и на жизнь (миросозерцание).

Значение народной поэзии было осознано уже в конце XVIII века. Тогда же в России нашлись отдельные лица, которые начали собирать и записывать народные песни. Но многие

еще долго смеялись над чудаками, разыскивающими как что-то важное такую «дрянь», как русская народная песня. В начале XIX века подобное мнение печатно заявил критик, разбиравший первую поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». ...Иначе смотрел на вопрос сам Пушкин. Он с раннего детства знал и любил народную поэзию, слышавший от своей няни, Арины Родионовны, сказок, которых та знала множество. Когда в 1824 году царское правительство отправило великого поэта в ссылку, в деревню его отца Михайловское, Псковской губернии,— Пушкин усердно занялся там, среди других своих многочисленных работ, собиранием песен, певшихся местными крестьянами. Позднее Пушкин записывал народные песни в другом имении своей семьи, Болдине, Нижегородской губернии, во время своей поездки на Урал и в других случаях. Так составилось у Пушкина довольно большое собрание в несколько сот песен и сказок.

Большинство песен Пушкин прямо записывал, притом с большой точностью, как это теперь выяснено. Некоторые песни Пушкин обрабатывал, т. е. сокращал, исправлял в них отдельные стихи, изменял отдельные выражения. Наконец, Пушкин в том же духе сам сочинял песни. Когда за подобную работу берется писатель менее даровитый, он неизбежно портит, искажает народную песню. Иное дело — гениальный Пушкин. Он сумел и смог вполне проникнуться духом народного творчества и, переделывая песни или создавая новые, творил совершенно так же, как творили и сами народные сказители,— те, которые впервые складывали ту или другую песню. Передавая записанные им песни П. В. Киреевскому (который большую часть жизни посвятил собиранию народных песен), Пушкин сказал ему: «Когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». Киреевский потом сознавался, что сколько ни старался, но разгадать этой загадки не мог. Другой знаток русской народной поэзии П. И. Шейн тоже говорит, что и самому опытному взгляду трудно отделить в песнях, записанных Пушкиным, подлинно-народные и личное творчество поэта. Таким образом, собрание Пушкина можно считать собранием истинно-народных русских песен, независимо от того, внес в них поэт что-либо своего или нет.

До сих пор, к сожалению, нет такого издания, где были бы соединены все песни, собранные Пушкиным. В нашей книжке мы можем дать, конечно, только часть их. При этом мы старались выбирать образцы, по возможности, разных ви-

дов песни. В начале нашего собрания стоят чисто-лирические песни, т. е. выражающие общие чувства поэта-певца; большинство этих песен обработано Пушкиным или всецело сочинено им. Далее следуют исторические песни, т. е. сложенные про определенные, действительно бывшие события, в том числе— о Стеньке (или Сеньке) Разине, личность которого живо интересовала Пушкина. Обширный (сравнительно) отдел образуют свадебные песни, так как Пушкину удалось записать их особенно много; из них мы выделили — песни, связанные с одрядами, и песни насмешливые. В другие отделы вошли песни разбойничьи, солдатские, монастырские, любовные, песня невесты и, наконец, песня-частушка; широкое распространение частушки получили только в последние годы на фабриках, но зародились уже в пушкинскую пору, и гениальный поэт, чутьем угадав ее будущее значение, «смастерил» образцовую частушку. Заключается наша книжка отрывком «Сказки о медведице» (Пушкин ее не закончил) и «Сказкой о попе и работнике его Балде», в которой Пушкин перенял манеру раешников, с их полу-прозаической, полу-стихотворной речью, с длинными рифмами (где ударение стоит на 4-м слоге от конца) и т. под.

В книжке соединены песни, просто записанные Пушкиным, обработанные им, сочиненные им и выписанные им из песенников. В оглавлении при песнях указано, известны ли они по другой записи. Песни, при которых означено, что они являются «обработкой» Пушкина, другим собирателям в этом виде не попадались и, может быть, всецело созданы великим поэтом.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ